

Въ дѣйствительности отношеніе между природнымъ и божественнымъ есть отношеніе прорывовъ, порождающихъ рядъ мучительныхъ противорѣчій. Поэтому исторія не есть процессъ прогресса.

Только творческій актъ человѣка побѣждаетъ и выводитъ изъ-подъ власти времени человѣческое существованіе. Тайна религіозной жизни заключается въ побѣдѣ надъ властью времени, не въ пассивномъ претерпѣваніи внѣшнихъ фактовъ исторіи, а въ активномъ преодолѣніи времени.

„Эсхатологія и прогрессъ“.

(Проф. протоіерей С. Булгаковъ).

„Въ дни нашей молодости не было болѣе жгучаго вопроса, какъ проблема прогресса. Въ то время мы были убѣждены, что въ исторіи царитъ благая закономерность, которая ведетъ человѣчество къ счастью на землѣ и всеобщему блаженству.

Что такое теорія или идея прогресса?

Прогрессъ съ точки зрѣнія безрелигіозныхъ міровоззрѣній есть въ сущности своего рода грандіозное кровавое жертвоприношеніе, гдѣ люди должны играть роль „жертвенныхъ животныхъ“ гдѣ жившіе и живущіе сейчасъ поколѣнія обрекаются на смерть и безслѣдное исчезновеніе во имя „свѣтлаго будущаго“. При такомъ пониманіи „прогресса“ живущіе приносятся въ жертву для невѣдомыхъ, еще не родившихся поколѣній. Прогрессъ — въ такомъ пониманіи — является пошлостью и жестокостью. Надъ этой пошлостью раціоналистическаго безрелигіознаго пониманія „прогресса“ зло и мѣтко смѣялся въ свое время А. И. Герценъ. Злая жестокость пошлости такого пониманія идеи прогресса сейчасъ трагически изживается въ СССР, гдѣ милліоны живущихъ обречены на страданія и уничтоженіе во имя „блага“ грядущихъ поколѣній.

Теорія прогресса въ ея обычномъ, господствующемъ пониманіи страдаетъ явной ограниченностью, особенно ясно выступающей въ свѣтѣ религіознаго пониманія судьбы человѣка и міра, такъ какъ она исключаетъ изъ прогресса дѣятельность и соучастіе силъ, находящихся за гранями этой жизни; она страдаетъ нечувствіемъ грѣха и трагедіи жизни, связанной съ наличиемъ въ мірѣ грѣха.

Тѣмъ не менѣе, идея прогресса содержитъ въ себѣ нѣкоторую внутреннюю самоочевидность: человѣкъ есть не отдѣленное, изолированное существо, а существо родовое, каждый человѣкъ имѣетъ общую судьбу со всѣмъ человѣчествомъ.

Теорія прогресса отвѣчаетъ на вопросъ о судьбѣ чело-вѣчества, образующаго сложное единство, мно-гое единство.

Мысль о связи судьбы чело-вѣка съ судьбой природы и объ единствѣ судебъ чело-вѣческаго рода существенно христіанская мысль. Единство это не только причинное (казуальное) но и цѣлеустремленное (телеологическое*). Въ этомъ единствѣ судебъ чело-вѣчества вмѣстѣ съ причинностью, какъ неизбѣжной связью слѣдствій, вытекающихъ изъ данныхъ причинъ, дѣйствуетъ и та цѣль, кото-рая опредѣлена, предназначена для міра и чело-вѣчества. Эта цѣль изнутри опредѣляетъ развитіе судебъ міра и чело-вѣчества, дѣйствуя среди причинъ, какъ направляющее, ведущее начало. Единство судебъ рода чело-вѣческаго не случайность, возникающая вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія внѣшнихъ причинъ, а внутренняя цѣле-устремленная разумность.

Рационалистическія теоріи прогресса — наслѣдіе 18-го вѣка, „самого плоскаго среди всѣхъ вѣковъ“, ограничивали пониманіе чело-вѣческой жизни посюстороннимъ въ его замкнутости. Вопросъ о потусторонней судьбѣ чело-вѣка выпалъ изъ поля ихъ зрѣнія. Отсюда и выросло то легкое, пошлое примиреніе со смертію, какое свойственно этимъ теоріямъ.

Проблема смерти какъ бы не касалась теоріи про-гресса. Отношеніе къ проблемѣ смерти въ рациона-листическихъ теоріяхъ прогресса исчерпывалось легкомыслен-нымъ утѣшеніемъ, что наука въ концѣ концовъ „побѣдитъ“ смерть, разрѣшитъ проблему „безконечной“ жизни. Ко-нечно, въ извѣстной степени, смерть технически преодо-лима, вѣрнѣе моментъ фактической смерти можетъ быть отодвинуть въ какое то отдаленное будущее. Но смерт-ность, подвластность всего бытія началу уничтоженія, разложенія, смерти — технически не можетъ быть преодолѣна.

Идея технического преодоленія смерти — это вѣнецъ безбожнаго отношенія къ исторіи и къ жизни. Техниче-ское преодоленіе смерти не можетъ воскресить прежде

*) Отъ греч. *δ τέλος* конецъ, окончательная цѣль.

умершихъ людей: медицина можетъ не дать умереть живому, но воскресить уже давно умершихъ не въ ея власти. При томъ, при существующей трагедіи жизни представляется неразумнымъ искусственно продолжать жизнь, или давать безсмертіе людямъ недостойнымъ жизни. Трагическая безсмыслица гибели всего живого остается не устранимой въ безрелигіозныхъ теоріяхъ прогресса. Герценъ первый почувствовалъ неосновательность рационалистическаго толкованія прогресса и воскликнулъ: „Король голъ“.

Нѣкоторая правда теоріи прогресса, какъ уже было указано, относится ко всему человѣчеству въ цѣломъ, поскольку люди всѣ связаны одной общей судьбой. Съ христіанской точки зрѣнія эту общую судьбу человѣчества можно назвать богочеловѣческой судьбой. Заслуга теоріи прогресса заключается въ томъ, что она ищетъ достаточныхъ основаній для того, что міръ не погибнетъ, не разложится, а будетъ осуществленъ во всей полнотѣ и энтелехійности*). Это значитъ, что въ мірѣ существуетъ сила, отклоняющая личностную, персоналистическую свободу. Здѣсь противопоставляется личная свобода и софійная**) основа міра.

*) „Энтелехійность“ — „энтелехія“, „энтелехійное пониманіе міра“ — отъ греческаго слова *ἐν τέλος* „въ конецъ“ „имѣя въ виду конецъ“ — утвержденіе, что всѣ процессы, совершающіеся — какъ въ мірѣ природномъ такъ и въ мірѣ духовномъ, имѣютъ свою внутреннюю задачу, являющуюся конечной, послѣдней цѣлью даннаго процесса. Все, что совершается, совершается не случайно, а устремляясь, — сознательно или безсознательно — къ своей завершительной, послѣдней цѣли, къ своему назначенію. Эта „цѣль“, внутренняя задача, стоящая какъ предъ каждымъ явленіемъ жизни въ отдѣльности, такъ и предъ міромъ въ цѣломъ и з в н у т р и опредѣляетъ направленіе жизни, является „руководящей“ „внутренней причиной“ того, что совершается. Энтелехія — провидѣніе того, чѣмъ должно быть данное явленіе, данное событіе, данный процессъ въ своемъ окончательномъ, полномъ, и д е а л ь н о м ь раскрытіи, въ идеальномъ завершеніи. Все, что существуетъ и развивается, не просто дано но и задано: устремляется къ своему „первообразу“, къ „предѣльному совершенству“ къ „идеальному замыслу міра“ въ его цѣломъ и въ его частяхъ.

**) „Софія“ (*Σοφία* — Премудрость) „софійное пониманіе міра“, „софійность міра и человѣка“, — такое религіозно-философское пониманіе міра, которое утверждаетъ, что въ глубинѣ міра — видимаго, измѣнчиваго, преходящаго, подчиненнаго законамъ текучести времени и пространства, закону причинности, лежитъ идеальная божественная духовная основа бытія, основа неизмѣнная, неистощимая въ своей творческой силѣ, безконечная въ своей свободѣ отъ границъ пространства и времени, энтелехійно опредѣляющая развитіе міра, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ формахъ бытія. Софія связываетъ міръ въ одно живое органическое цѣлое, дѣлаетъ его живымъ „всеединствомъ“. Она является послѣдней цѣлью и вмѣстѣ сущностью нашего познанія, такъ какъ въ познаніи мы отъ случайнаго и частнаго переходимъ къ познанію вѣчнаго и общаго („законы“, „идеи“). Софія является началомъ красоты — красота

Свобода есть то, чѣмъ осуществляется единство. Свобода есть всегда „какъ“ будетъ осуществлено, а не „что“ будетъ осуществлено. „Что“ міра дано божественной его основой, которая непреложна и есть заданіе свободѣ. Свобода можетъ осуществлять тему жизни всегда въ новыхъ возможностяхъ. Жизнь всегда нова и вѣчная жизнь есть вѣчное творчество, но содержаніе жизни есть Софія, а не свобода. Свобода только осуществляет разработку жизненныхъ темъ.

Отношеніе времени и вѣчности.

Представляетъ ли вѣчность нѣчто совершенно отличное отъ времени, нѣчто трансцендентное времени? Обращенное къ вѣчности время перестаетъ для насъ существовать, т. к. вѣчность какъ бы испепеляетъ время. Я всю жизнь искалъ отвѣта на вопросъ о соотношеніи прогресса и эсхатологіи. Съ этимъ вопросомъ я обратился однажды къ одному изъ авторитетныхъ русскихъ іерарховъ-богослововъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ приблизительно такъ: „Вы видите эти стѣны, онѣ разрушатся такъ, что

въ мірѣ является сіяніемъ сквозь временное и измѣнчивое вѣчной и неизмѣнной софійной основы міра. Художественное творчество во всѣхъ его проявленіяхъ (поэзія, живопись, ваяніе, архитектура и т. д.) есть раскрытіе въ чувственно-осязательныхъ (зрительныхъ, звуковыхъ, слуховыхъ) формахъ этой идеальной красоты, раскрытіе Софіи.

Софія — основа и источникъ живой и животворящей силы въ природѣ, вѣчный порывъ къ жизни и творчеству, та причина причинъ, которая движетъ міромъ и вмѣстѣ направляетъ міръ къ его завершенію, къ его идеальному „первообразу“.

Софія есть основа и единосушія человѣчества. Единство человѣчества, проявляющееся въ единствѣ законовъ мышленія, вообще — законовъ душевной и духовной жизни, въ единствѣ духовныхъ началъ, въ естественной „соціальности“ — потребности „всемирнаго единенія“ — есть раскрытіе Софіи, какъ идеальной основы человѣческаго бытія, какъ „человѣчества въ цѣломъ“, въ его единосушіи. Такъ кратко можно формулировать основы „софійнаго“ пониманія міра. Изъ отцовъ и учителей Церкви „софійное“ пониманіе міра съ особенной силой и яркостью раскрыто у св. Григорія Нисскаго и у св. Максима Исповѣдника. Изъ русскихъ поэтовъ и писателей чувство софійной основы міра дано у Лермонтова, Тютчева, Достоевскаго, Блока.

Изъ русскихъ мыслителей и философовъ ученіе о Софіи развивали и развиваютъ В. С. Соловьевъ, св. П. Флоренскій, о. С. Булгаковъ, В. В. Зѣньковскій, Н. А. Бердяевъ и другіе. Ученіе о Софіи „въ самой себѣ“, — пониманіе Ея въ Ея внутренней жизни, въ Ея отношеніи къ Богу — такъ называемая „софіологія“ у различныхъ мыслителей формулируется различно. Сейчасъ, въ понятіяхъ „Софія“, „Софійность“ многимъ чудится, что то страшное, говорятъ даже о какой то „Софіанской“ среси. Для избѣжанія кривотолковъ и вмѣстѣ для того, чтобы каждый мыслящій и понимающій человѣкъ могъ видѣть, что софійное пониманіе міра не заключаетъ ничего „страшнаго“ и „еретическаго“, редакція „Вѣстника“ и позволила себѣ снабдить статью такимъ длиннымъ примѣчаніемъ.

отъ нихъ ничего не останется. Такъ и „прогрессъ“ — все будетъ разрушено“. Это „классическій“ отвѣтъ нѣкоторыхъ „теченіи“ въ христіанствѣ, утверждающій уничтожающее вліяніе вѣчности на время. Въ подтвержденіе этого обычно ссылаются на тексты объ „огнѣ“: „Огонь испытаетъ дѣло cadaго, каково оно есть“ (1 Коринф. 3, 11—15). Но огонь, о которомъ здѣсь говорится, не уничтожаетъ времени, а раздѣляетъ, отдѣляетъ „пшеницу отъ плевель“; въ этомъ испытующемъ огнѣ время не сгоритъ, а переплавится. Мы должны принять и утвердить идею, что исторія челоѣчества имѣетъ христіанское содержаніе, связанное со временемъ.

Среди священныхъ книгъ Христіанства — христіанскую теорію прогресса даетъ Апокалипсисъ. Прогрессъ — есть исторія челоѣчества, нѣкоторое историческое свершеніе, чередованіе эпохъ и событій. Апокалипсисъ и есть символическое изображеніе „прогресса“, какъ челоѣческой исторіи, понятой, какъ исторія Церкви, какъ исторія Христа челоѣчества. Первымъ свойствомъ этой исторіи является ея связанность со временемъ — она совершается во времени. Другое свойство челоѣческой исторіи есть трагизмъ, выражающійся въ столкновеніяхъ и борьбѣ. Въ исторіи происходитъ столкновеніе силъ отрицательныхъ и положительныхъ, въ этомъ столкновеніи дѣйствуютъ челоѣкъ, звѣрь, лжепророкъ, Христосъ, мученики и ангелы. Историческій процессъ трагиченъ потому, что полнота его не есть идиллія и рай на землѣ, а конецъ всемірной исторіи. Это не внѣшній конецъ, а внутренній: онъ наступитъ тогда, когда исторія созрѣетъ для своего конца. Созрѣваніе исторіи и есть прогрессъ. Конецъ ея принадлежитъ не этому, а иному плану бытія, мы должны признать дѣйствіе въ исторіи потустороннихъ силъ, участіе въ исторіи потусторонняго міра умершихъ. (Въ Апокалипсисѣ мученики просятъ объ отомщеніи и въ этомъ выражается участіе міра усопшихъ въ исторіи). Апокалипсисъ рѣшительно исключаетъ мысль, что исторію можно замкнуть только „по сю сторону“.

Закономѣрность въ исторіи и судьбахъ челоѣчества постижима не рационально, а только въ мѣру исканія каждаго воли Божіей въ своей жизни и Царствія Божія въ своихъ дѣлахъ. Идея о положительномъ значеніи въ жизни и въ исторіи всего міра смерти и посмертнаго состоянія чрезвычайно важна. Обыкновенно смерть и посмертное существованіе разсматриваются только со стороны надежды или устрашенія. Конечно, если бы не было перво-

роднаго грѣха, то не было бы особаго состоянія за гранями этой жизни, т. к. не было бы смерти, но сейчасъ смерть есть опредѣленіе Божіе и наказаніе любви. Сейчасъ человѣческая жизнь включаетъ въ себя и загробное состояніе. Хотя Откровеніе молчитъ о загробномъ состояніи, но мы должны принять, что духъ доживаетъ тамъ опытъ жизни. Здѣсь основаніе молитвы за умершихъ; усопшіе какъ бы поглощаютъ наши молитвы и возрастаютъ ими. Святые такъ же участвуютъ въ нашей жизни: хотя эта сторона жизни для насъ и закрыта, но тѣмъ не менѣе она реальна. Она принадлежитъ не вѣчности, а времени, времени и „нашему“ — по сколько существуетъ взаимообращеніе этихъ двухъ міровъ, но также и другому времени, поскольку развоплощеніе — разлученіе души отъ тѣла чрезъ смерть — ставитъ человѣческую жизнь за гранью этого бытія въ иныя условія времени и пространства. Въ этомъ взаимообращеніи и движется исторія къ своему концу. Конецъ исторіи придетъ, когда мы его не ждемъ. Объ этомъ приходѣ не можетъ существовать никакихъ предсказаній, т. к. это есть дѣйствіе Бога надъ человѣкомъ, не вмѣщающееся въ человѣческое сознаніе. Но это не значитъ, что это дѣйствіе Бога не имѣетъ отношенія къ внутренней зрѣлости человѣчества. Каково положительное содержаніе временъ и сроковъ зрѣлости человѣчества и каковъ долженъ быть прогрессъ, какъ историческое совершеніе? Здѣсь отвѣта на эти вопросы въ этой жизни, „по сую сторону“ нѣтъ. Мы постоянно видимъ, что самые сильные и лучшіе люди уходятъ отъ насъ въ другую жизнь для завершения своей судьбы въ другомъ мірѣ; въ нашихъ расчетахъ о смыслѣ прогресса мы встрѣчаемъ съ постоянными противорѣчіями. Наше дѣло — это творческое дѣйствіе — активность. Активность можетъ руководиться временными и себялюбивыми цѣлями, и тогда она не принадлежитъ прогрессу, къ прогрессу принадлежитъ только та активность, цѣлью которой являются вѣчныя цѣнности. Въ человѣческомъ творествѣ для прогресса существуютъ двѣ стороны — одна божественная, относящаяся къ вѣчности, къ жизни въ Богѣ, къ молитвѣ, къ благодатному питанію духа отъ Божества, другая сторона относится къ творчеству для самого себя, къ раскрытію своихъ человѣческихъ талантовъ — человѣческая сторона творчества. (Притча о талантахъ).

Только Богъ знаетъ, когда можно и нужно кончить исторію. Въ этомъ смыслѣ прогрессъ есть „дурная без-

конечность“ такъ какъ „по сю сторону“ — не явлено его положительное содержаніе, но онъ есть и вмѣстѣ съ тѣмъ „благая безконечность“, потому что время въ немъ не пустое, а творческое, и вѣчность осуществляетъ себя въ этомъ времени.

Человѣческая смерть и аналогичная ей смерть міра есть новый творческій актъ Божій. Превышающая нашъ опытъ — для насъ трансцендентная мысль — выражается въ Апокалипсисѣ въ символахъ какъ бы преднамѣренно смутныхъ и противорѣчивыхъ Слова: „времени больше не будетъ“ означаютъ не уничтоженіе времени, а иное переживаніе времени. Временность принадлежитъ къ категоріи тварности. Тварности свойственна не полнота, которая „исполняется“ — наполняется содержаніемъ — и это исполненіе есть вѣчная жизнь. Отношеніе между эсхатологіей и исторіей состоитъ въ томъ, что полная духовная зрѣлость является предвѣстникомъ пришествія Христова. Второе пришествіе произойдетъ какъ бы въ новомъ „зонѣ“ въ иномъ, новомъ „вѣкѣ“, который отдѣляется отъ нашего эона гранью смерти.

Здѣсь умѣстно вспомнить имя Н. Ф. Федорова и его „Общее дѣло“. Федоровъ полагалъ, что въ результатѣ духовной зрѣлости и овладѣнія природой человечество достигнетъ такого состоянія, при которомъ всѣ станутъ дѣйствительными дѣтьми Божьими. Воля человечества и воля Божья встрѣтятся. Богъ и человѣкъ встрѣтятся какъ бы въ туннелѣ, въ которомъ они съ двухъ разныхъ сторонъ прорывали навстрѣчу другъ другу ходъ. Проблема Федорова — переходъ изъ этого міра въ потусторонній не при Божескомъ посредничествѣ, а путемъ эволюціи. Мысли его о „воскресеніи“ натуралистичны и въ концѣ концовъ сводятся къ мысли объ овладѣніи человѣческимъ тѣломъ, но тайна человѣческаго существа, связь тѣла и духа, опытъ духовнаго міра, божественное воспитаніе за гробомъ, необходимое для воскресенія, все это совершенно игнорируется въ его философіи.

Есть одно общее догматическое основаніе, почему мы не можемъ устранить прогрессъ, какъ одно изъ предусловій эсхатологіи — это вопросъ о царскомъ служеніи Христа, которое не закончено, потому что царствіе Божіе хотя и внутри насъ есть, но еще не пришло. Объ этомъ пришествіи говорится въ Апокалипсисѣ, какъ о длительномъ процессѣ, когда Сынъ все передастъ Отцу. Между человѣческой исторіей и эсхатологическимъ свершеніемъ

есть положительная связь — полнота времени и сроковъ есть предусловіе эсхатологическаго свершенія.

Насколько молитва „Ей гряди, Господи Исусе“ не молчитъ въ насъ, мы обращены впередъ, призывая Христа, Его дѣйствіе, не наше, но о насъ, для насъ и постоянно принадлежитъ намъ, какъ молитва, какъ надежда, какъ единственный достойный христіанина исходъ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача справокъ и указаній, а также полученіе подписной платы на „Вѣстникъ“ производится:

АМЕРИКА: 1) N. Stember. 56. East 122 nd str. NEW-YORK. City.

2) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRIDGE

3) Rt. Rev. A. Viacheslavoff, 1520, Green Str. San-Francisko Calif.

АНГЛІЯ: V. Rastorgoueff, 80, Marchmont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРІЯ: Е. Наумовъ, Иванъ Асѣвъ II 9. СОФИЯ.

БЕЛЬГІЯ: Mme M. A. Petroff, Jette St.-Pierre, Hôpital Brugmann. BRUXELLES.

ГЕРМАНИЯ: 1) A. Pawlowitsch, Neue Winterfeldstr. 461. BERLIN, S.W. 61.

2) W. Schwesoff Bahnhofstr. 611 FREIBERG i. Sa.

МАНЖУКО: 1) В. Коченева, Артиллерійская уголь Пекарной. 4-е Начальное Училище. HARBIN.

ЛАТВІЯ: 1) В. Pluchanov, Laboratorjās 9 dz. 3. RIGA.

2) G. Beniksons, Nometnu ielā 8 dz. 3. DAUGAVPILS.

ПОЛЬША: 1) E. Polonska, Aleje Ujazdowskie 6/8 Obserwator. Astron. Warszawa.

2) „Dobro“, ul Krakowskie Przedmiescie 53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДІЯ: 1) A. Schavoronkova. Luostarinkatu 9 as. 2. VI-PURI. 2 M. Reiche, KELLOMÄKI.

ФРАНЦІЯ: 1) T. Bajmakova 10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ: 1) S. Malloj Jachimova 2 b. 16. PRAHA I.

2) N. Lupandin. Kucuricna c. 1. BRATISLAVA.

3) A. Vissarionoff, U Botanické Zahrady 17/IV BRNO.

ЭСТОНИЯ: 1) N. Golubeva. Vaestekooli 15-5. TALLINN.

2) H. Lange. TARTU. Kalda t. 10.

2a) T. Lagovskaja, отдѣленіе конторы, J. Kuperjanovi 14, TARTU.

3) S. Nikitin. Linaketramise vabrik. Polovtsovi maja NARVA.

4) H. Hörberg, Riia t. 1. PETERSI.

РУМЫНІЯ: L. Gloukhoff. Tescani, jud Vasau.

ЮГОСЛАВІЯ: N. Ribinski, Pimotičeva 14. BEOGRAD.

ДѢТЯМЪ КЪ СВѢТЛОМУ ПРАЗДНИКУ

Листки для дѣт. чтенія, составленные Религ.-Педагогическимъ Кабинетомъ въ Парижѣ, подъ редакціей о. С. Четверикова.

На заглавномъ листѣ каждого выпуска — иконное изображение (въ краскахъ) празднуемаго событія.

Листки № 5 „Входъ Господень въ Іерусалимъ“.

№ 6 „Страстная недѣля“.

№ 7 „Воскресеніе Христово“.

Цѣна каждого листка 0,50 фран. франковъ. Получать можно у представителей „Вѣстника“.

Редакторъ: **И. ЛАГОВСКІЙ.**

Vastutav toimetaja Eestis: T. Lagovski, Tartus, J. Kuperjanovi tän. 14, 4.

Vastutav väljaandja Eestis: Leo Schumakov, Tartus, Kevade tän. 5, 4.